

как и Филофей, помолвившись, „сел почити“ и „мало воздремався“, увидел ангела, предупредившего его о прибытии белого клобука. Пока что составитель Повести не утруждает себя привлечением новых приемов, новых выразительных средств и описывает события в Новгороде так же, как описал события в Царьграде. Но постепенно в повествование включаются новые и притом чисто русские бытовые и местные новгородские подробности, не совсем подходящие подчас для агиографического произведения. Например, если патриарх, проснувшись после своего видения, лишь спешит начать пораньше утреню, чтобы сообщить новость „собору церковному“, то Василий, убедившись через специальных посланных в „истинности“ своего видения, проявив тем самым явный скептицизм, сначала рассылает по всему городу глашатаев („проповедников“), чтобы организовать торжественную, всенародную встречу, велит звонить „во вся тяжкая“ и отправляется с крестным ходом встречать посланных от патриарха. Все это вполне соответствует русским обычаям, а созыв „всенародного множества“ через специальных „проповедников“ является местным, новгородским обычаем — так созывалось вече. Местные новгородские черты включаются даже в описание „чудес“: неоднократно фигурирующие в Повести „гласы“ здесь исходят от знаменитого образа Пантократора в куполе Софийского собора.¹

Наивысшей конкретизации описания составитель достигает в заключении Повести, изложенном с такими бытовыми и реалистическими подробностями, что создается впечатление рассказа очевидца. Таковы описание шествия Василия в невиданном доселе головном уборе через толпу удивленных новгородцев, некоторые детали пира, который устроил Василий по случаю прибытия клобука, описание его мелких хозяйственных распоряжений насчет устройства „честных даров“ и ответных подарков царю и патриарху, причем не были забыты и сами посланные с клобуком, которых Василий также, „даровы многими одарив“, отпустил во-свояси. Все это дает основание утверждать, что в финале Повести ее составитель использовал устное предание, был увлечен стихией народного творчества, и поэтому, наряду с приемами и средствами агиографической литературы, в этой части использованы некоторые фольклорные приемы. Такова картина грандиозного семидневного пира, написанная широкими былинными мазками (в числе гостей на этом пиру не забыта и „нищая братия“),² освобождение на

¹ Местонахождение этого образа в некоторых списках Повести указано точно: „иже бе написан под маковицей“, т. е. вверху главного купола Софийского собора. Отметим еще одну „чудесную“ деталь, столь же местного новгородского происхождения, поводом появления которой был такой же конкретный предмет, каким был и сам клобок архиепископа Василия. В Повести неоднократно говорится, что белый клобок совершал свои „путешествия“ в специально для него сделанном „ковчеге“ или „сосуде“. Этот футляр хранился в Софийской ризнице еще в 60-х годах прошлого столетия (о нем см.: Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, т. II. М., 1860, стр. 343); он был из кипариса, обладающего, как известно, довольно сильным и очень приятным запахом. Отсюда то „благоухание чудное“, которое почувствовали, по словам Повести, новгородцы при вскрытии плотно закупоренного „ковчеге“ с клобуком.

² Интересно сравнить описание этого пира с пиром, который устроил имп. Константин Сильвестру и который описан в начале Повести. Там — подробное описание типично византийского церемониала — встреча Сильвестра царем, угощение „из царских рук“ „клириков и мнихов“, т. е. исключительно духовенства, и другие подробности; здесь — широкий русский семидневный пир и не только для духовенства, но и для нищих и заключенных: причем щедрой рукой, без всяких церемониалов, просто „добре напитал“ архиепископ Василий своих гостей.